

непосредственно, историк стремится понять мысли, мотивы, ценности, запечатленные в нем людьми неосознанно.

Следовательно, технэ в исторической науке содержит в себе элемент творчества. Историк не просто воспроизводит мысли прошлого, он интерпретирует их исходя из собственного знания, а значит, он дает свои оценки их значимости, критикует их, вступая с ними в диалог. В этом диалоге мысли и раскрывается творческий уникальный характер технэ. Однако, несмотря на то, что в исторической науке уровень технэ достаточно развит, переход к собственно теоретической стадии остаётся нерешенным, в частности предстоит выяснить вопрос о содержании уровня исторической эпистеме.

1. Анкерсмит Ф. История и тропология: взлет и падение метафоры / пер. с англ. М. Кукарцева, Е. Коломеец, В. Кашаев.– М.: Прогресс-Традиция, 2003.– 496 с.
2. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в 4 тт. / пер. И. В. Брагинской.– Т.4.– М.: Мысль, 1983.– С. 38–293.
3. Блок М. Апология истории или ремесло историка / пер. с франц. Е. М. Лысенко.– М.: Наука, 1986.– 178 с.
4. Древнегреческо-русский словарь [в 2-х тт.]. Составил И. Х. Дворецкий.– М.: Изд-во иностр. л-ры, 1958.– Эл. ресурс. Режим доступа: <http://gurin.tomsk.net.ru//alpha.html>
5. Йегер В. Воспитание античного грека. Книга вторая. Вершина и кризис аттического духа. Софисты / пер. с нем. А. И. Любжина.– М.: Греко-латинский кабинет Ю. Шичалина, 2001.– 393с.
6. Коллингвуд Р. Дж. Идея истории. Автобиография / пер. Ю. А. Асеева.– М.: Наука, 1980.– 486 с.
7. Копосов Н. Е. Как думают историки.– М.: Новое литературное обозрение, 2001.– 326 с.
8. Платон. Горгий / пер. С. П. Маркиша // Платон. Сочинения в 4-х тт.– Т. 1.– М.: Мысль, 1990.– С. 477–574.
9. Платон. Кратил / пер. Т. В. Васильевой // Платон. Сочинения в 4-х тт.– Т. 1.– М.: Мысль, 1990.– С. 613–681.
10. Платон. Государство / пер. А. Н. Егунова // Платон. Сочинения в 4-х тт.– Т. 3.– М.: Мысль, 1994.– С. 79–420.
11. Режабек Е. Обучаемость научному дискурсу как действительная предпосылка его становления (к истории вопроса) // Логос.– М., 2005.– №6 (51).– С. 173–181.
12. Савельева И. М., Полетаев А. В. Теория исторического знания. – СПб.: Алетейя. Историческая книга, 2007.– 523 с.
13. Episteme and Techne // Stanford Encyclopedia of Philosophy// <http://plato.stanford.edu/entries/episteme-techne/#2>.

Владимир Жарких

КУЛЬТУРА ОБРАЗОВАНИЯ: МОДЕЛИ И ВЫБОРЫ

У статті розглядається співвідношення переваг і недоліків традиційних і новаційних моделей освіти.

Ключові слова: освітня модель, традиційна когнітивна парадигма освіти, концепція онлайн навчання.

В статті розглядається співвідношення переваг і недоліків традиційних і новаційних освітніх моделей.

Ключевые слова: образовательная модель, традиционная когнитивная парадигма образования, концепция онлайн обучения.

The article deals with the problem of correlation between advantages and drawbacks of traditional and innovative educational models.

Keywords: educational model, traditional cognitive educational paradigm, concept of online education.

За годы независимости в Украине значительно расширился диапазон образовательных и воспитательных программ. Выбор большой, однако, заметного качественного скачка в повышении образовательного, мотивационного и культурного уровня современных студентов не произошло. Наоборот, стала наблюдаться некоторая демотивированность, падение интереса к самому процессу обучения.

Причиной этого послужили культурологические изменения в общественной жизни страны. Последствия их влияния сказались на отношении к прежним критериям успешности, способам самореализации и, главным образом, к образованию. Культура образования как качественное и гарантированное средство для вхождения в некий социально-культурный стандарт потеряла свою притягательность и императивность. Необходимый для достижения достаточного/желаемого жизненного уровня человеческий потенциал получил развитие в других сферах и областях социальной культуры. В глобализованном мире XXI столетия становится все более очевидно, что реальные вызовы жизни диктуют необходимость изменения структуры обучающего процесса и модификации его содержания. В полном соответствии с этой необходимостью современная философия образования столкнулась с проблемой выбора практически и жизненно важных направлений и моделей, способных модернизировать и усовершенствовать культуру обучающего процесса.

Культуры существуют в рамках своих моделей, структурно соответствующих социальным и культурным реалиям своего времени и погибают с изменением исторической ситуации. Как спонтанно

созданные, так и возникшие вследствие серьезного размышления, модели являются инструментом познания и понимания ранее непонятных или неразрешимых проблем. Обучающие модели представляют в этом смысле очень яркий пример. Они состоят из определенного набора последовательных фаз или действий, приводящих к осуществлению намерений их авторов создать личность, своими качествами отвечающую требованиям современного ей общества. В обучающей сфере намерения создателей моделей концентрируются вокруг вечных философских вопросов – чему мы хотим научить, как можно узнать, что то, чему мы учим, усвоено, что делать, если материал не усвоен, что делать, если преподносимый материал уже известен, но интерпретируется по-другому, как научить человека рассуждать, связав разрозненные факты и явления в единое целое, а не просто заучивать необходимый объем знаний. Ценность обучающей модели определяется по соотношению между ее целями и результатами, т. е. по тому, насколько эффективно она способствует усвоению заявленного знания, а также по характеру распределения учебной нагрузки. Иными словами, мотивирующей идеей при создании обучающей модели является, с одной стороны, желание помочь студенту увеличить свои знания и мотивировать его на их дальнейшее увеличение и расширение, а с другой, способствовать развитию его мыслительного потенциала. Не менее важно обеспечить условия, при которых это можно сделать продуктивно и без непереносимого физического и умственного перенапряжения. Как показывает многовековая практика, эта теоретическая, логически справедливая установка оказывается трудно осуществимой в практике обучения и воспитания в рамках традиционных обучающих моделей.

С появлением компьютерной технологии появилась надежда, что обучающий процесс, во всяком случае в сфере высшего образования, можно организовать с помощью новых моделей, дающих более предсказуемый удовлетворительный результат и не требующих такой большой затраты времени, сил и средств. Предполагалось, что по мере того, как все большее количество людей получит возможность пользоваться услугами Интернета дома, введение новых онлайн моделей обучения будет существенным образом способствовать результативности обучающего процесса и расширению образовательного горизонта студентов.

В исторической перспективе обучающие модели включали три разных направления или цели: 1) модели общего профиля, ориентированные на подготовку человека к любой работе и обучение необходимым трудовым навыкам, а также тому, как себя вести и

правильно мыслить для того, чтобы успешно функционировать в пределах существующего рынка труда; 2) модели подготовки профессионалов, мотивированных и способных проявлять инициативу тогда, когда это требуется; 3) модели лидерских программ, ориентированные на развитие интуиции, стремления и способности взять на себя ответственность за прогрессивную реорганизацию производства и общества. Эффективность результатов моделей этих трех направлений обеспечивается холистическим пониманием обучающего процесса. Она основывается на опыте обучающего, взаимной коммуникации обоих участников обучающего процесса и его когнитивном наполнении. Их взаимодействие обеспечивает континуум культуры и составляет смысл классического высшего образования, его золотого стандарта, неоспоримое значение которого сохраняется и ценится в течение многих веков.

Исторически для обоих участников учебного процесса он был долгим, трудоемким и утомительным процессом. Основанный на обучении фактам в хронологическом порядке, учебный процесс проходил в тренировке памяти и развитии способности помнить то, что было уже создано, осознано и апробировано, т. е. задокументировано в истории [1]. От обучаемого требовалось умение запомнить, а затем вспомнить и применить то, что он смог узнать и освоить, а это в свою очередь зависело от способности каждого воспринимать и фиксировать информацию. Оценка знания и тем самым эффективность обучающей модели определялись по степени соответствия усвоенных и подлежащих усвоению фактов. Количество предлагаемой к запоминанию информации, постоянно растущей с новыми открытиями и накоплением новых фактов, составляло огромную стандартизированную программу и не зависело от интеллектуальных и психологических качеств обучаемого. В таких условиях важно было натренировать его разум в искусстве запоминания и воспроизводства освоенного материала. Для оптимизации процесса обучения обучающий прибегал к различным средствам, обостряющим внимание обучаемого и облегчающим запоминание.

В настоящее время простое накопление и владение фундаментальной базовой фактологической информацией, при всем ее неоспоримом значении, не удовлетворяет требованиям стремительных изменений, трансформирующих мир. Происходящие процессы глобализации способствуют модификации качества и поляризации характера труда, из-за чего меняется соотношение между конкретным физическим трудом, с одной стороны, умственной и сервисной деятельностью, с другой. Для

стран Европы и США это соотношение составляет 30%–70% [7, р. 87]. Это создает значительные диспропорции в системе образования, поскольку ее обучающие программы и модели не отражают перемены, происходящие в обществе. Доминирующей концептуальной основой программ и моделей, предлагаемых в университете, является моделирование человека в полноценную личность путем поиска истины и нового знания. Эта модель не теряет своего значения, но способы и методы ее осуществления в рамках существующих учебных программ не успевают адаптироваться к переменам в характере материального производства и, прежде всего, к коренным качественным изменениям в структуре информационного пространства.

Институты высшего образования столкнулись с проблемой выбора практически и жизненно важных концепций обучения, способных преобразовать учебный процесс как философское и культурное понятие. Определяющим фактором в них при обозначении его цели и структурировании модели ее осуществления остаются, как и прежде, практические нужды и потребности реальной жизни. Совершенно очевидно, что реальные вызовы глобализованного мира диктуют необходимость, как сохранения прежних направлений обучающего процесса, так и введения новых параметров в обучающие модели. На первое место выходит переоценка акцентов и приоритетов в выборе и способах изложения основ знания. Важнейшим требованием к качеству обучающей модели становится создание условий для воспитания у студента качеств думающего субъекта, способного влиять на события и обстоятельства своей жизни и находить практически оптимальные решения. Для этого ему необходимо развитие желания и склонности, намерения и привычки реализовывать свои потенциальные способности таким образом, чтобы наиболее конструктивно способствовать улучшению собственной жизни и процветанию общества, в котором он функционирует [3]. Результатом современной обучающей модели, как предполагается, будет возникновение привычки самостоятельно, осознанно и продуктивно разрешать возникающие проблемы [1; 2]. Такая обучающая модель разовьет у студента мотивацию к самоутверждению и самореализации. Вполне вероятно, что такая модель сгладит осложнения, связанные с переходом от контролируемой, защищенной университетской жизни к реалиям самостоятельной деятельности и адаптацией к условиям, полностью отличным от университетской атмосферы. Для этого обучающие модели должны развивать гибкость мышления. Если модель создает надлежащие предпосылки для выявления и поддержания привычки к интеллектуальной деятельности [3, р. 74]

студент вырастает в личность, способную эффективно влиять на окружающую реальность и творчески конструировать свой персональный и общественный опыт. В процессе получения высшего образования ему должны быть предоставлены программы и модели обучения, которые, во-первых, воспитают в нем желание и привычку быть открытым к новому знанию, а во-вторых, подготовят его к реальному состоянию дел в его исторической ситуации.

В последние годы проблемы философии образования, в частности университетов как основной модели получения высшего образования, были предметом дискуссий на разных уровнях и в разных профессиональных кругах [6]. Разногласия и возражения сосредоточены на сравнении двух парадигм, в рамках которых развиваются современные модели образования университетского качества – традиционная модель и дистанционная модель получения образования через Интернет.

Образование по Интернету – online education – приобретает все большую популярность и принимает все более разнообразную форму, из-за чего Интернет становится главным конкурентом традиционной модели университета [3, р. 84; 7, р. 29]. Хотя Интернет, во многих отношениях, представляет более жизнеспособную и удобную альтернативу традиционной практике обучения, его значение в развитии современной концепции образования все еще определяется в рамках противопоставления этих двух парадигм. Использование новейшей онлайн технологии в обучении, с одной стороны, критикуется как методология, уступающая традиционной по многим параметрам. С другой, модели дистанционного обучения приветствуются как перспективный и удобный способ передачи/получения знаний, поскольку они дают как обучающему, так и обучаемому самые разные возможности в поиске, получении, представлении и освоении информации.

Сторонники новационных моделей [5; 7] уверены, что высшее образование готово к реформе и должно быть реформировано. С их точки зрения, университеты, как учебные заведения, безнадежно устарели. В США прежний призыв к молодежи – иди в колледж, получи хорошее образование – все больше подвергается критике, а традиционная университетская система образования воспринимается как «мыльный пузырь, готовый лопнуть» [7, р. 83]. Лекции и сроки обучения не в состоянии обслужить массовые аудитории современного мира, а главное, не могут обеспечить сиюминутную информацию. Новая модель обучения – Интернет и самоокупающиеся университеты, работающие на прибыль [1] – сможет охватить и большую аудиторию, и предоставить доступ к новейшей информации. В рамках такой модели можно создать

специальные индивидуализированные программы. В них студентам будут предложены обучающие источники соответственно их особым, личным интересам, способностям, навыкам и уровню их образовательной подготовки. В результате они научатся не только воспринимать знание, но и распространять его с помощью эффективных коммуникативных навыков, письменных и устных. Важным преимуществом при этом является возможность получить образование, не прекращая своей профессиональной деятельности. Кроме того, как для университетов, так и для студентов благодаря введению онлайн модели обучения образование становится для обеих сторон значительно менее затратным в отношении времени и финансов. Новаторы полагают, что в контексте многочисленных перемен в культурном пространстве XXI века было бы серьезной ошибкой считать, что университеты останутся в стороне от преимуществ и перспективы развития модели онлайн образования.

Группа консерваторов [4; 6; 8], с другой стороны, придерживается мнения, что следует вернуться к старым традициям, потому что самый лучший путь вперед – вернуться назад [4, р. 69]. Они полагают, что главные прагматические принципы моделей онлайн образования – удобство и полезность – свидетельствуют о деградации сути академического образования. Глупо, они считают, тратить университетские время и деньги на людей, которые предпочитают изучать поп-культуру, вместо Сократа, и нечестно смешивать поиск истины с поиском прибыли [2, р. 39]. Традиционная университетская обучающая модель вернет образование к принципам Академии Платона [4; 6] и средневековым университетам, в которых студент рассматривался не как производственная единица, предназначенная для выполнения работы, а как личность, требующая индивидуального воспитания для формирования человеческой зрелости.

В обоих мнениях есть зерно истины. В них содержатся идеи, согласно которым прогрессивное развитие моделей высшего образования в современной исторической ситуации может быть наиболее эффективным. Действительно, с практической точки зрения позиция новаторов выглядит более привлекательной. Обучение по Интернету не требует огромных затрат на «кирпичи и штукатурку» [3, р. 62], потому что в этом случае не нужны традиционные кампусы, аудитории и общежития. Студенты не должны проходить обязательный многолетний курс обучения в зданиях университета и количество преподавателей можно намного сократить. Обучение онлайн по модели «университеты без стен» (universities without walls) [4] давно осуществляется во всем мире. В дискуссиях, иногда достаточно острых, не учитывается, что онлайн педагогика не только не

уступает традиционной методологии, но в основе своей опирается на нее, используя те же методы и приемы в модифицированных моделях [5]. Новационная форма обучения фактически является усовершенствованным дополнением к традиционным инструментам классической педагогики. Освященные традицией три столпа системы обучения – лекции, лаборатории и библиотеки – составляют инструментарий, привычный, необходимый и надежный и в новационной системе обучения. Различные онлайн обучающие модели не только дополняют традиционные, но и в значительной мере расширяют и углубляют их содержательное наполнение.

Но образование состоит не только из сообщения и запоминания определенного количества теорий, цифр и фактов, что легко можно сделать с помощью Интернета. В образованном человеке, особенно в ситуации современного стремительного развития высоких технологий, ценится умение не только использовать мышечную силу и профессиональные навыки, но и интеллект, мотивацию и дисциплину, достаточные для того, чтобы освоить технологию завтрашнего дня и извлечь из нее выгоду и пользу [3, р. 38]. Для этого необходимо уметь конструктивно и ответственно спорить, рассуждать и аргументировать, быстро схватывать существо проблемы и быть открытым для нового знания. Эти умения можно развить только в общении, прежде всего в личном, а не виртуальном, с людьми, которые могут направить, исправить и оживить беседу, заинтересовать, оценить и составить авторитетного собеседника/оппонента [4, р. 193]. Практически каждый разумный человек, знает, что образованность не возникает от многократных повторений материала обучающих дисков. Она приходит в результате постижения и решения трудных и сложных задач, вызовов и нестандартных ситуаций, которые разум человека должен осознать и интериоризировать не в изоляции, наедине с компьютером, а в прямом контакте с людьми и ситуациями.

В течение по крайней мере двух тысячелетий эта трудоемкая работа выполняется в аудитории. Она строится на материале общей программы, определенной историческими и культурными требованиями, но в соответствии с особыми потребностями каждого индивидуального, любознательного, амбициозного студента. Это та работа, которую выполняют учителя, профессора и наставники. Эти интеллектуальные лидеры воспитали не одно поколение выдающихся личностей. Изо дня в день, постепенно и терпеливо они формировали в своих студентах уважение к человеческим ценностям и чувство личной ответственности, прививая им качества, сопоставимые с понятием интеллигентности. И

это именно то, что невозможно сделать исключительно с помощью высокой технологии, потому что она не предназначена для этого. Ее предназначение связано с использованием в качестве эффективных дополнительных средств в модели традиционного, испытанного временем университетского образования. Образование можно понимать либо просто как сообщение знаний, умений и навыков, либо рассматривать это понятие как формирование характера, определяющего позицию человека на протяжении всей его жизни и помогающего ему реализовать свой потенциал. Обучение действительно образованной личности, обладающей, характером, достоинством и эрудицией, способной стать полезным и честным членом общества, происходит медленно, трудно и не прямолинейно. Но если оно осуществляется, образованность остается даже тогда, когда все, что некогда изучалось, забывается.

1. Altbach P. G. The International Imperatives in Higher Education.–Rotterdam/ Boston/Taipei: Sense Publishers, 2013.–193 p.
2. Bowen W. G. Higher Education in the Digital Age.– Princeton UP, 2013.– 180 p.
3. Cowen T. Average is Over: Powering America beyond the Age of the Great Stagnation.– NY: Dutton Adult, 2013.– 305 p.
4. Delanty G. Challenging Knowledge: The University of the Knowledge Society.– Open UP, 2001.–175 p.
5. King R. The University in the Global Age (Universities into the 21st century).– L.: Palgrave MacMillan, 2004.– 224 p.
6. Freeman R. Competing Models for Public Education // Common Dreams Publications, February 26, 2005.
7. Preston R. Down to Business: Higher Education Is Ripe for Technology Disruption.– Open UP, 2011.– 117 p.
8. Skinner B. F. The Technology of Teaching.– NY: Copley Publishing Group, 2013.– 295 p.

Нелли Иванова-Георгиевская

СИМФОНИЧЕСКИЙ БАЛЕТ ДЖОРДЖА БАЛАНЧИНА КАК ЭСТЕТИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИИ¹

Розглянуто симфонічний балет Джорджа Баланчіна в контексті мистецтва як техне, де він виявляється естетизацією технології танцю.

Ключові слова: *техне, поїєсис, симфонічний балет, Джордж Баланчін. Розсмотрен симфонічний балет Джорджа Баланчіна в контексті мистецтва як технэ, где он оказывається естетизацією технології танца.*

Ключевые слова: *технэ, поїєсис, симфонічний балет, Джордж Баланчін.*

The symphonic ballet by George Balanchine is considered in the context of art as techne, where it is demonstrated as an aesthetization of dance technology.

Keywords: *techne, poyesis, symphonic ballet, George Balanchine.*

Начало XX века в русском балете, как и во всём искусстве, ознаменовано волей к реформам. Можно указать два направления реформирования искусства балета Императорских театров, сложившихся к этому времени. Одно связано с именами Михаила Фокина и Александра Горского и состоит в отказе от балетной вампуки, в формировании действенного танца, в построении сюжета логически и психологически оправданного, восходит к основателю теории и практики спектаклей со сквозным действием – великому реформатору XVIII века Жану Жоржу Новерру и приводит к утверждению на балетных сценах в 30-50-х годах эстетики и поэтики драмбалета. При этом внутренний мир музыкального и хореографического произведения привязывается к «самим событиям», выступая, кроме прочего, средством обрисовывания их контуров, становясь повествованием.

Второе направление реформ балетного театра складывалось в балетмейстерской и теоретической деятельности Федора Лопухова и означает попытку создать танцевальную симфонию без сюжета, повествования, психологии и т. п., развивает те принципы построения больших хореографических композиций, которые реализованы Мариусом Петипа в его грандиозных танцевальных симфониях, когда хореография оказывалась выражением структуры и духа музыки. Лопухов, рассматривая виды отношений между музыкой и танцем, выделял танцы «около музыки», «на музыку», «под музыку» и «в музыку» [5, с. 78–93], считая важным выражение в хореографии смысла музыкальной основы балета, а не только темпо-ритмического рисунка. Учеником и последователем Лопухова был Георгий Баланчивадзе, известный всему